

Однако Сун Янь не был человеком, склонным к состраданию, особенно к детям.

— Я пойду куплю тебе сахарный тростник, жди меня здесь, — сказал Сун Янь.

Ребёнок отпустил его, и Сун Янь без колебаний ушёл, чтобы никогда не вернуться.

Се Чжань смотрел, как надежда в глазах ребёнка становилась всё ярче, а его маленькая фигурка на пустынной улице выглядела такой одинокой и жалкой.

Се Чжань внезапно почувствовал отвращение к Сун Яню. Если не собирался помогать, зачем давать ложные надежды?

Такой человек был слишком эгоистичным.

В Чертоге Тайцзи.

Всего за несколько дней небольшая боковая зала превратилась в ледяной мир. На ледяном ложе шириной в два человека лежала фигура. Макияж с его лица был полностью смыт, красное платье заменено на белый халат, и из женщины, прекрасной, как цветущий персик, он превратился в изящного, как небожитель, мужчину.

Хуань Линь сидел рядом, зачарованно глядя на лежащего. Его лицо позеленело, и он аккуратно нанёс на него пудру, подкрасил брови, и теперь тот выглядел почти как живой.

На самом деле он давно хотел это сделать.

Во многих бессонных ночах в сердце Хуань Линя зарождалась такая мысль.

Он боялся увидеть, как тот человек смотрит на него, как на незнакомца. Он боялся, что, находясь рядом с ним, он думает о ком-то другом. Он боялся услышать, что тот любит Сыма Яня. Если он умрёт, то не будет больше ни отвращения, ни раздражения. Он будет полностью принадлежать ему.

Он был трусом.

Хуань Линь снова и снова убеждал себя, будто это было правдой, или просто бежал от известия о его смерти.

Хуань Линь лёг рядом с ним, обняв его окоченевшее тело.

Его пустое сердце, казалось, нашло покой, но как бы крепко он ни обнимал его, холод не исчезал, а то, что заполняло его сердце, вдруг растворилось без следа.

Хуань Линь глубоко вдохнул, чтобы прогнать непонятный страх. Когда он повернулся, его лицо уже было спокойным. Его горячие поцелуи опускались на холодное лицо, медленно, с безумием, смешанным с осторожностью.

Когда он, запыхавшись, оторвался, ему показалось, что рядом стоит белая фигура.

В тот момент мозг Хуань Линя опустел, он инстинктивно задержал дыхание, но, посмотрев во второй раз, не увидел ничего. В сердце возникла острая боль, и он машинально потянулся к нефритовой подвеске на поясе, но её там не было.

Хуань Линь резко поднялся с кровати, его лицо исказилось. Он чувствовал сильную тревогу,

будто потерял что-то очень важное. Радость от возвращения его тела не могла заглушить этот ужас.

Закрыв глаза, он задумался и вспомнил, почему подвеска могла пропасть. Накинув халат, он вышел, но, переступая порог, невольно оглянулся на лежащего.

— Ваше Величество, Императрица просит аудиенции.

Хуань Линь ещё не успел выйти из главного зала, как старый евнух поспешно доложил.

— Не принимать, — ответил Хуань Линь.

На лице Ли Дэцина появилось беспокойство:

— Императрица говорит, что дело касается брака с наложницей, и просит обязательно встретиться.

— Я боюсь, что, увидев её, не сдержусь и убью.

Услышав это, Ли Дэцин не осмелился больше говорить и, вернувшись к Императрице, хотя и не сказал прямо, но намекнул на ответ. Лицо Императрицы сразу изменилось, но она не забыла дать Ли Дэцину слиток серебра.

Ли Дэцин, держа слиток, с усмешкой опустил взгляд. Императрица никогда не считала его человеком, и только теперь вспомнила о нём. Когда Императрица ушла, Ли Дэцин невольно взглянул на человека в боковой зале. Если бы тот мог проснуться, он бы, наверное, свел Императрицу с ума.

Императрица ушла в расстроенных чувствах.

— Ваше Величество, вы выглядите неважно, может, отдохнёте?

— Он, наверное, уже знает. Правду не скроешь. Я думала, что навсегда избавилась от проблемы, но... — прошептала Императрица.

— Ваше Величество, что с вами?

— Помассируй мне виски. — Она села на обочину, и приближённая служанка поспешила массировать ей виски. Её бледное, как бумага, лицо постепенно приобрело румянец.

— Вызовите ко мне Ван Мяо, Се Ин, Юй Сю и Си Минь, — приказала Императрица.

— Ваше Величество, зачем так мучить себя?

— Если я не вынесу этого, как же я буду Императрицей? Я не сдамся перед мёртвецом!

Хуань Линь с группой стражников незаметно прошёл по всем местам, где был прошлой ночью, чуть ли не перекопал всю дорогу.

Но ничего не нашёл.

Эта дорога пересекалась с самой оживлённой улицей Цзянькана, поэтому велика была вероятность, что вещь подобрали. Город был огромен, людей — множество, и найти что-то было всё равно что искать иголку в стоге сена.

— Всего лишь нефритовая подвеска, почему Его Величество так переживает?

— Задачи Императора мы выполняем, зачем задавать лишние вопросы?

— Просто любопытно. Может, это подарок от любимого человека?

— Разве Император не любит Императрицу? Если потерял, можно взять другую.

— Ты явно не разбираешься в любви. Разве можно просто заменить подарок от любимого? Сердце правителя непредсказуемо, сколько же мы будем искать? Лучше бы командир Лу был здесь.

— Хватит болтать, ищите!

Стражники снова тщательно обыскали всё, но к вечеру так ничего и не нашли.

Лицо Императора стало мрачным, и все стояли на коленях, не смея взглянуть на него. Спустя долгое время он наконец произнёс:

— Ладно, идите.

Все вздохнули с облегчением.

Хуань Линь снова в одиночестве обошёл весь путь и только глубокой ночью вернулся во дворец. Открыв дверь боковой залы, он сел у кровати, глядя на тихо лежащего.

Пустота в сердце не исчезала.

Хуань Линь, словно одержимый, сидел неподвижно всю ночь, как каменная статуя, не моргнув ни разу.

На рассвете он очнулся.

Всего лишь нефритовая подвеска, зачем так волноваться? Было даже смешно, что он устроил такой переполох из-за личной вещи того человека.

Он направился в главный зал, и слуги сразу же окружили его, помогая одеться. Те, кто подходил близко, ощущали исходящий от него холод и невольно вздрагивали. Было действительно холодно, настоящий ледяной холод. Кто-то украдкой взглянул на него и увидел ледяные кристаллы на его чёрных волосах, будто седина внезапно появилась.

Слуги не смели говорить, только бледными лицами помогали ему причесаться и переодеться. Император, не спавший всю ночь, не выглядел усталым, его осанка была полна достоинства и власти, только взгляд стал глубже и мрачнее. На утреннем совете он иногда отвлекался, но в целом вёл себя как обычно.

На совете Император чаще смотрел на Се Цзюня, а после специально спросил о здоровье Четвёртого господина Се.

Се Цзюнь насторожился, уже думая, не отправить ли Четвёртого господина Се в Куайцзи. Прошлые Хуань Линя и Се Чжана было известно, а Четвёртый господин Се был похож на Се Чжана. Семья Се не могла позволить себе двух фаворитов.

— Се Чжань мёртв. Ты его старший брат, позаботься о его похоронах, — сказал Хуань Линь.

Се Цзюнь слегка опешил. Хотя они были братьями, но не от одной матери. Когда Се Чжань родился, Се Цзюнь уже был взрослым и знал его историю. Вспоминая свою мать, он никогда не любил его, и их отношения были лишь формальными. Когда Се Чжань совершил то, что совершил, он стал похож на свою бесстыдную мать, и Се Цзюнь готов был очистить имя семьи. Но теперь, когда он умер, в его сердце всё же осталась грусть. Всё-таки он был ребёнком семьи Се.

— Се Чжань был сыном принцессы Цзиньлин, поэтому его табличка должна быть помещена в родовой храм Се, — добавил Хуань Линь.

Уже давно никто не упоминал это имя. Это был позор для семей Сыма и Се, о котором все молчали. Услышав это, лицо Се Цзюня изменилось, и он тихо вздохнул.

— Да, Ваше Величество.

<http://bllate.org/book/16364/1479786>